

УДК 821.161.1 : 801.6

ВЕРЛИБР В ПЕРЕСКАЗЕ (Г. АЛЕКСЕЕВ. «ДЕМОН»)

А. Г. Степанов

Ланьчжоуский университет (Китай)

институт иностранных языков и литературы

Статья посвящена семантическим различиям между верлибром и его прозаическим парафразом. Делается попытка выявить изменения в семантике текста, преобразованного из стиха в прозу. Результатом исследования становится вывод о том, что существуют аспекты семантики, которые связаны с «разрешающей способностью» формы, позволяющей выразить в стихе то и, главное, так, что и как невозможно выразить средствами прозы (М. И. Шапир).

Ключевые слова: поэтика, стиховедение, верлибр, прозаический парафраз, семантика

Типологическим образцом русского стихотворного текста является «лирическое силлабо-тоническое равностопное стихотворение, регулярно зарифмованное, обладающее отчетливой системой внутрискрочных повторов согласных и гласных и разделенное на равные друг другу по всем параметрам и графически выделенные пробелами строфы» [9, с. 13]. Трансформация максимально урегулированных стихотворений в прозу – предмет исследовательских работ [3; 4; 5; 8; 12] и околофилологических маргиналий (см., например, прозаические парафразы стихов в интернете [7; 10; 13; 14]). Сложнее обстоит дело с верлибром. Из-за минимальности версификационных признаков (только деление на строки) его преобразование в прозаический парафраз кажется процедурой малопродуктивной (для большинства читателей свободный стих остается прозой, записанной «в столбик»). Задача настоящей статьи – обнаружить семантическую разницу между верлибром и его прозаическим пересказом. Материалом послужило стихотворение Г. Алексеева «Демон»: «Позвонили. // Я открыл дверь // и увидел глазастого, // лохматого, // мокрого от дождя // Демона. // – Михаил Юрьевич Лермонтов // здесь живет? – // спросил он. // – Нет, – сказал я, – // вы ошиблись квартирой. //– Простите! – сказал он // и ушел, // волоча по ступеням // свои гигантские, // черные, // мокрые от дождя // крылья. // На лестнице // запахло звездами» [1, с. 17].

Из всех способов стихообразования (членение на строки, равноударность, равносложность, метр, рифма и др.) здесь присутствует единственный, но самый важный, – ритм строк. Трансформация верлибра в прозу достигается вытягиванием речевых отрезков в строку, длина которой задана размерами типографской полосы:

«Позвонили. Я открыл дверь и увидел глазастого, лохматого, мокрого от дождя Демона.

– Михаил Юрьевич Лермонтов здесь живет? – спросил он.

– Нет, – сказал я, – вы ошиблись квартирой.

– Простите! – сказал он и ушел, волоча по ступеням свои гигантские, черные, мокрые от дождя крылья.

На лестнице запахло звездами».

Мы предложили студентам-филологам первого курса сравнить стихотворный и прозаический варианты, ответив на вопрос: чем различаются стихотворение Алексева и его прозаический пересказ? Ниже приводим отобранные нами ответы (средний возраст испытуемых – 18 лет):

1. При прочтении прозаического текста кажется, что он вырван из контекста, есть ощущение незавершенности. В стихотворном тексте присутствует завязка, вторая «строфа» напоминает кульминацию и развязку, а последнее предложение сравнимо с эпилогом (*А. К.*).
2. В стихотворном тексте информация воспринимается в образах, диалога как такового нет. <...> Стихотворение создает ощущение иллюзорности происходящего (могло всё это привидеться) и реальности. <...> Прозаический текст – абсолютная реальность (*Е. К.*).
3. В смысловом плане они в принципе идентичны, но текст, записанный прозой, читается как анекдот, а «в столбик» – как «страшилка». Он приобретает пугающую нотку (*Е. П.*).
4. Стихотворный текст заставляет делать паузы между словами, предложениями, тем самым задумываться над смыслом каждого слова. Прозаический текст кажется абсурдным, написанным для «бесмысленности» (*Д. А.*).
5. Пробел между строфами не равен красной строке. Стихотворение, благодаря графической форме, воспринимается эмоциональнее. В процессе чтения возникает ощущение нестандартности ситуации, в пересказе – обыденности (*З. Ю.*).
6. Последние строки: «На лестнице / запахло звездами» отличаются глубиной и пониманием бесконечности бытия именно благодаря паузе, которая делит предложение (*И. Е.*).

Эти ответы, несмотря на вызванную условиями эксперимента отрывочность, довольно точно фиксируют различия между верлибром и его прозаическим парафразом. Так, отсутствие рифмы действительно затрудняет чтение; пробелы между строфами могут репрезентировать смену элементов сюжета; стихотворный текст не столько воспроизводит, сколько моделирует ситуацию; стихотворение тяготеет к «мистике», а не к «абсурду»; два финальных стиха, сопрягая быт и бытие, гармонизируют их через ольфакторную метафору: «На лестнице // запахло звездами». Постараемся развернуть и дополнить эти наблюдения.

Прозаическая форма, заставляющая нас скользить взглядом по строке, сигнализирует о достоверности истории. Происходящее, несмотря на всю его фантастичность, воспринимается как реальное событие. Иллюзию правдоподобия не нарушает даже тип персонажа. Прозаическое повествование элиминирует контраст между мифологическим существом и обыденностью его появления. Отсюда стихия абсурда, присущая прозаическому переложению.

Стихотворная форма в силу ее условности заставляет воспринимать встречу человека с Демоном не как факт, а как потенциальную возможность (по мнению О. Г. Ревзиной, смысл стихотворения отнесен к ситуации и человеку вообще, в то время как в прозе вербализуется конкретная ситуация с ее конкретными участниками [11, с. 421]). В стихе отношение к миру скорее грустно-ироническое. Смысл здесь «не имеет четкой и однозначной привязки к какому-то одному “другому” смыслу, но *понуждает* к самопорождению» и обращен «ко всеобщим, предельным жизненным переживаниям» [6, с. 72]. Тот факт, что текст

членился на короткие строки, позволяет концентрировать внимание на отдельных словах или группах слов. В результате каждый стих воспринимается как самостоятельная смысловая единица. Как бы ни различались строки по длине и по грамматической структуре, они выступают вариантами одного инварианта. Это делает их, с одной стороны, равнозначными друг другу, а с другой – нетождественными по семантике, мотивирующей смену стиховых рядов.

Так, вторая строка (*Я открыл дверь*) изоморфна первой (*Позвонили*), третья (*и увидел глазастого*) – второй (*Я открыл дверь*), четвертая (*лохматого*) – третьей (*и увидел глазастого*), пятая (*мокрого от дождя*) – четвертой (*лохматого*) и т.д., хотя в первом случае строки связаны равенством слогов (4) и анакрусы (двусложная), во втором – равенством ударений (2) и анакрусы, в третьем – совпадением грамматических форм (соответственно, клаузулы) и сходством звучания (*глазастого*– *лохматого*), в четвертом – только (и то не наверняка) сходством звучания (*лохматого* – *мокрого от дождя*).

Строки могут не иметь общих материально выраженных признаков (– *Михаил Юрьевич Лермонтов // здесь живет?*), но благодаря стиховой сегментации они будут восприниматься парадигматически, т.е. как варианты одного инварианта (об этом подробнее см. [16]). Межстиховая пауза и появление новой строки могут мотивироваться по-разному: *Позвонили. // Я открыл дверь* – смена пространственных планов, *Я открыл дверь // и увидел глазастого* – переход от физического действия к зрительному восприятию, *и увидел глазастого, // лохматого* – динамика взгляда с изменением фокуса, *лохматого // мокрого от дождя* – выявление причинно-следственной связи и т.д.

Разумеется, и верлибр, и прозаический парафраз способны вызывать различные ассоциации, связанные с центральным персонажем. В Демоне можно разглядеть *глазастого, лохматого, мокрого от дождя* бездомного пса (отсылка к гетевскому «Фаусту»), беззащитного «маленького человека», нуждающегося в понимании, пародийно-несчастливого «врага человечества», сверхъестественное существо, повелевающее вечностью, и др. Но в стихе благодаря ритму строк, выделяющему слова и замедляющему чтение, эти ипостаси героя более проявлены. Если в прозе «растянувшаяся» по типографской строке конструкция *волоча по ступеням свои гигантские, черные, мокрые от дождя крылья* лишь дополняет действие персонажа (*ушел*), то в стихотворении основная смысловая нагрузка падает именно на определения и финальное слово *крылья*. Графическая и интонационная выделенность лексических единиц повышает их семантический статус до уровня символов.

Прозаический парафраз сохраняет сюжет, повествовательность, лексическое наполнение, фразеологию, ироническую модальность. Казалось бы, между ним и стихом нет никакой разницы, кроме графической. Но это не так. В верлибре интонационное и смысловое движение разнообразнее и сложнее, чем в прозе. Например, девятисложная строка (*Михаил Юрьевич Лермонтов*) сменяется трехсложной (*здесь живет?*). Разница в длине строк материализует контраст между пространством культуры и повседневности (важная для Г. Алексеева тема), космосом и бытом. Преодолевается этот контраст в метафоре финального двустипия: *На лестнице // запахло звездами*. Признаком гармонизации мира становится метрическая инерция ямба (из других метров встречаются строки анапеста: *и увидел глазастого, вы ошиблись квартирой, волоча по ступеням*), присутствующая в этих строках.

Итак, как следует из данного примера, преобразовать стихи в прозу можно лишь с определенными издержками. Существуют аспекты семантики, которые «связаны напрямую с “разрешающей способностью” формы, позволяющей выразить в стихе то и, главное, так, что и как невозможно выразить средствами прозы» [17, с. 42]. «Поэтическая речь, – настаивал В. В. Вейдле, – отличается от всякой другой тем, что высказанное ею не может быть высказано никакими другими словами и сочетаниями слов, кроме тех самых, какими оно было высказано» [2, с. 405]. Стихи (а верлибр – это стих, как бы близко он ни подходил к прозе) опровергают «ересь парафразы», согласно которой смысл художественного объекта воспроизводим путем передачи его содержания «своими словами». Парафразировать текст, используя не имманентные ему структуры, – значит рассеять художественное целое, заменить сущность произведения его поверхностной видимостью [15, с. 145].

Список литературы

1. Алексеев Г. Избранные стихотворения. СПб.: Геликон Плюс, 2006. 576 с.
2. Вейдле В. О поэтической речи // Эмбриология поэзии: статьи по поэтике и теории искусства. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 401–413.
3. Гаспаров М. Л. Пастернак в пересказе: сверка понимания // Новое лит. обозрение. 2000. № 46. С. 163–177.
4. Гаспаров М. Л. «Сестра моя – жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 186 с.
5. Гаспаров М. Л. Четыре стихотворения из «Сестры моей – жизни»: сверка понимания // Poetry and revolution: Boris Pasternak's "My Sister Life". Stanford: Stanford Univ. Press, 1999. P. 150–166. (Stanford Slavic Studies; Vol. 21).
6. Даренский В. Ю. Поэзия как метафизическая память // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Самара. 2011. № 2 (10). С. 68–80.
7. Как переводить стихи? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tarologia.ru/?p=3257>. (Дата обращения: 15.01.2014).
8. Киммельман В. И. Поэзия и проза: семантический эксперимент // Славянский стих. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. [Т.] 9. С. 281–288.
9. Орлицкий Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. М.: РГГУ, 2008. 845 с.
10. Пересказы [Электронный ресурс]. URL: <http://zelchenko.livejournal.com/19005.html>. (Дата обращения: 15.01.2014).
11. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: УРСС, 2002. С. 418–433.
12. Скулачева Т. В. Стих и проза: семантические различия // Славянский стих. М.: Языки славян. культуры, 2004. [Т.] 7: Лингвистика и структура стиха. С. 167–178.
13. Стихи великих в прозе. А что если попробовать убрать из стихотворения все то, что делает его стихом? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/russkij-yazyk/stihi-velikih-v-proze-445405/comments>. (Дата обращения: 15.01.2014).
14. Стихи великих в прозе. Вольные интерпретации стихотворений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adme.ru/russkij-yazyk/stihi-velikih-v-proze-445405/>. (Дата обращения: 15.01.2014).
15. Цурганова Е. А. Ересь парафразы // Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 145.
16. Шапир М. И. О пределах длины стиха в верлибре (Д. А. Пригов и другие) // Philologica. 1999 / 2000. Т. 6. № 14/16. С. 117–137.

17. Шапир М. И. «Versus» vs «prosa»: Пространство-время поэтического текста // Шапир М. И. *Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. М.: Языки рус. культуры, 2000. Кн. 1. С. 36–75.

THE VERSE LIBRE IN PROSAIC RENDERING

A. G. Stepanov

Lanzhou University (China)

Institute of Foreign Languages and Literature

The article is devoted to the semantic differences between verse libre and its prosaic paraphrase. An effort is undertaken to display the changes in the semantics of the verse text rendered by prose. The result of the survey is the conclusion that there are aspects of the semantics which are based on the resolving capacity of the form allowing of expressing in verse what is impossible to convey in prose (M. I. Shapir).

Keywords: *poetics, studies of verse, verse libre, prosaic paraphrase, semantics*

Об авторе:

СТЕПАНОВ Александр Геннадьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории литературы Тверского государственного университета; преподаватель русского языка и литературы Института иностранных языков и литературы Ланьчжоуского университета (Китай), e-mail: poetics@yandex.ru